

Александр Полонников (Минск)

Культурная динамика: игры с идентичностью

Современная ситуация культуры развивается по кризисному сценарию, однако особенность этого кризиса состоит не столько в разрушении старых доминантных культурных форм и становлении новых, сколько в возникновении как специфической формы кризиса, так и изменении самой сущности культурного функционирования, состоящего в исчерпанности доминантного принципа социокультурной организации.

Кризисное состояние становится перманентным, культура хаотизируется, превращается во «множество разнокачественных образований: серий проблематизаций, локальных предприятий, прочерчиваемых в пространстве современной социокультурной ситуации» [3, с. 43].

Сегодня схема культурогенеза личности должна быть пересмотрена и уточнена с учётом задач ее большей прагматизации и регионализации. Введем в начале *логический оператор*, который позволит нам моделировать порядок организации вовлекаемого в анализ материала. Этот инструмент, идеальный конструкт использует в своем устройстве идею И. М. Розета о динамическом отношении частей целого. Согласно взгляду этого белорусского ученого, изучавшего механизмы продуктивной умственной деятельности, упорядочение и переупорядочивание информации происходит на основании ценностного взаимодействия элементов системы [6, с. 157]. Предполагается, что

в их структурной связке постоянно происходит энергетическая трансмиссия, причем таким образом, что придание одному из элементов отношения большего значения вызывает на значимом полюсе эффект «энергетического всасывания», которое иначе как за счет второго элемента структуры не может осуществляться.

Если переносить эту идею в пространство культурологического анализа, то можно сказать, переоценка одной из составных частей структуры культуры автоматически обесценивает другой ее элемент. *Статусная рокировка* и означает тот тип культурного кризиса, «когда что-то изменяется в нашем мире» [4, с. 295]. Изменение же содержания культурной трансмиссии означает иной тип кризиса, системный, «когда изменяется сам мир» [там же]. На полюсе индивида кризис культуры оборачивается кризисом социокультурной идентичности, онтологической неуверенностью или дезориентацией.

Обсуждая механизм культурной динамики мы должны, разумеется, помнить, что нас она интересует не абстрактно, как отчужденная социотехническая система, а в качестве объяснительного принципа формирования и функционирования социальных практик, ориентированных на производство человеческой субъективности, или, говоря словами М. Фуко, анализировать смену форм исторической генеалогии субъекта.

То есть человек участвует в культурной динамике не непосредственно, а в качестве необходимого момента реализации социальных практик. Стратегическое взаимодействие этих практик определяет культурный ландшафт конкретной исторической ситуации. Это то, что создает человека и то, из чего человек создает культуру.

Культурная динамика теоцентристской Европы, с этой точки зрения, определялась энергетической трансмиссией отношения «Бог – Человек». Гипероценка Бога порождала социальные практики нормирующего, в том числе и репрессивного типа, утверждало личностный образец богоподобной жизни, который и устанавливал основные параметры функционирования идентичности. Это касалось всего: церковного ритуала, образования, медицинских услуг, практической политики. Культурная переоценка, придание сверхзначимости Человеку порождало Реформацию, предпринимательскую и исследовательскую активность, социально-политическое творчество, а в перспективе рационализм Нового времени. При этом сам теоцентристский мир еще долгое время сохранялся и, как заметил Ортега-и-Гассет, человек не выпал из христианства, он свел его к «человеческой точке зрения и деятельности» [4, с. 385].

Изменение жизненной формы (структуры социальной реальности) происходит в момент утверждения нового системного отношения «Человек – Наука», тогда, когда «человек кладет науку, чистый разум в основу всех своих убеждений» [там же, с. 293]. Становление этого культурного порядка началось уже в недрах теоцентристского мира, в ходе гипероценки составного системного элемента «Человек», однако развитие социальных практик привело к формированию как новой жизненной формы – наукоцентристского мира, в котором происходило переопределение прежде господствовавших культурных начал.

Таким образом, культурная динамика может быть представлена как *игровая ситуация* с постоянной перестановкой действующих на поле игры игроков, правил и сил. Использование нами метафоры игры не случайно, а связано с ее высокой обобщаю-

щей силой при описании интересующих нас обстоятельств. Под игрой мы вслед за Хейзингой понимаем свободную деятельность, недетерминированную никаким внешним по отношению к игре интересом, «которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки...» [9, с. 24]. Несколько расширяя диапазон толкований игры, введенный Хейзингой, применительно к нашему предмету, скажем, что культурная динамика позволяет себя трактовать в том числе и как *игру с игрой*.

К игре не применимы критерии истинности/ложности, нравственные квалификации добра и зла, и в тоже время игра принадлежит сфере духа, используя в своем устройстве иллюзию (*illusio*), ставку ради которой идет игра и без коей немислимо в принципе культурное развитие. Между тем, «то, что в *illusio* переживается как очевидность, выглядит иллюзией для того, кто не чувствует этой очевидности» [2, с. 106]. При этом иллюзию нельзя рассматривать как психологическое явление, хотя она может иметь свой индивидуально-психологический коррелят, например, в виде веры. В культурологическом анализе иллюзия выступает как социальная конструкция по преимуществу семиотической природы, конститутив практик, формирующихся в игровом поле культуры.

С этой точки зрения в ситуациях культурной рокировки игра совершается в рамках установившихся правил, подчиняясь базовой иллюзии в качестве организующего начала. Когда же меняется тип центрации, а значит и социальная реальность, происходит крушение старых иллюзий и становление новых. Очевидно также, что игра расставляет знаки своим значениям, стремясь к сближению *полюса порядка* и *полюса позитивности*. Когда же меняется сама игра или идет игра с игрой, вопрос об однозначной социальной позитивности: добре и зле, совершенстве и уродстве, пользе и ущербе теряет свою социальную легитимность. На уровне личности, как мы уже отмечали выше, начинают доминировать диффузные процессы, обнаруживается символический дефицит, происходят разрывы в самоописаниях.

Кризис культуры и сопутствующая ему трансформация иллюзий носит объективный характер по отношению как к отдельным индивидам, так и их сообществам. Именно это обстоятельство не позволяет действующим субъектам использовать в полной мере «внутренний» ресурс, в частности, психологических практик, поскольку они сами будучи составляющими элементами культурных практик, оказываются вовлеченными в динамический процесс наряду с другими игровыми структурами. И, как мы уже отмечали выше, апробированные способы культурной реабилитации (религиозное утешение, практическая психология, медитация) становятся палиативными, а порой и обратно результативными.

Все это означает, что современное сообщество оказалось перед лицом беспрецедентных культурных обстоятельств, сменой типа культурного функционирования, когда неопределенность жизненных ориентаций становится не преходящей характеристикой человеческой ситуации, менопаузой при переходе от одного типа центрации к другой, не энергетической трансмиссией между структурными элементами связанных между собой элементов целого, а сущностью, становящейся реальностью наших дней. Мы все чаще обнаруживаем как зыбкость, неустойчивость внешних социокультурных коорди-

нат, так и случайность, сомнительность внутренних оснований, их зависимость от стремительных социальных изменений, например, от статусной и национальной мобильности [11, р. 142]. Эту ситуацию современная философия описывает с «помощью таких величественных формулировок, как «конец однозначности» – «конец достоверности» – «конец «мета-рассказов»» [10, р. 11].

В отношении выводов осуществляемого нами анализа это означает, прежде всего, необходимость смены аналитического аппарата, поскольку примененные ранее средства: схематика культургенеза, логический оператор, системная связка элементов и пр. в новых условиях резко теряют свой описательный потенциал. Мы не обнаруживаем более доминантно организованных общезначимых социальных пространств, устойчивые ранее связи проявляют свою условность и сложную опосредованность, а любые, производимые нами дескрипции, оказываются частичными и фрагментарными.

В современных научных исследованиях опыт самоорганизации индивида описывается в терминах «открытая идентичность» [10, р. 28], «децентрированный субъект» [8], «мультикультурная организованность» [1]. С точки зрения привычных описаний субъекта эти новые дескрипции лишают индивида его главной черты и ценности – автономии. Его сущностью становится непрекращающийся диалог с постоянно изменяющейся культурой, другим и самим собой.

Литература

1. Бергер П. Л. Общество в человеке. / <http://lib.socio.msu.ru/library>.
2. Деянов Д. Практические логики и коммуникативные стратегии. // Критика и семиотика, 2001, №3/4, с. 105-115.
3. Корбут А. Кризис идентичности – кризис знания – кризис образования. / В сб. Психологическое образование: контексты развития. / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ, под ред. М. А. Гусаковского, А. А. Полонникова – Мн. : Технопринт, 1999. – 168 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов). / В кн. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Издательство «Весь Мир», 1997. – С. 233-403 с.
5. Полонников А. А. Кризис лично-определенной формы бытия человека в современной социокультурной ситуации. // Адукацыя і выхаванне, 1997, № 7. – С. 73-81.
6. Розет И. М. Психология фантазии. Экспериментально-теоретическое исследование внутренних закономерностей продуктивной умственной деятельности. – Мн. : «Университетское», 1991. – 342 с.
7. Сорокин П. Социокультурная динамика. / В кн. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – С. 425-504.
8. Трубина Е. Г. К вопросу об автономном индивиде и децентрированном субъекте. // Социемы, №5, 2001.
9. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М. : Прогресс, 1992. – 464 с.
10. Keupp, H. (1999). Ohne Angst verschieden sein können. Riskante Chancen in einer postmodernen Gesellschaft. In H. Klingenberger & B. Krecan-Kirchbichler (Hrsg.): Nicht mehr sicher – aber frei. München: Bernward bei Bosco, S. 11 – 28. (Перевод Т. Тягуновой).
11. Luckmann, T. Soziale Mobilität und persönliche Identität. (mit Peter Berger) // Lebenswelt und Gesellschaft: Grundstrukturen und geschichtliche Wandlungen. – Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 1980. – S. 142–160. (Перевод Т. Тягуновой).

УДК 008
ББК 71
С916

Друкуецца па рашэнні рэдакцыйна-выдавецкага савета БДПУ

Рэдакцыйная калегія:

доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры тэорыі і гісторыі культуры БДПУ С. В. Снапкоўская;
кандыдат філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі культуры БДПУ А. У. Рагуля (адказны рэдактар);
кандыдат культуралогіі, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі культуры БДПУ Т. Ф. Сухоцкая;
кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі культуры БДПУ В. А. Вараб'ева

Рэцэнзенты:

доктар філасофскіх навук, прафесар кафедры філасофіі БДПУ П. В. Кікель;
кандыдат філалагічных навук, загадчык кафедры беларускай мовы і літаратуры МДПУ П. В. Васючэнка

Сучасны гісторыка-культурны працэс: самавызначэнне і самарэалізацыя
С916 суб'екта : матэрыялы Рэсп. навук. канф., г. Мінск, 16–17 мая 2006 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкап. С. В. Снапкоўская [і інш.]; адк. рэд. А. У. Рагуля. – Мінск : БДПУ, 2006. – 239 с.

ISBN 985-501-269-0.

У зборнік увайшлі матэрыялы, якія адлюстроўваюць актуальныя праблемы станаўлення індывідуальнага і калектыўнага суб'екта культуры ў сучасным свеце.

Адрасаваны навуковым работнікам, выкладчыкам, аспірантам і ўсім, хто цікавіцца дадзенымі праблемамі.

УДК 008
ББК 71

ISBN 985-501-269-0

© БДПУ, 2006